

СЕРГЕЙ ДОНЦОВ

НЕСЛУЧАЙНОСТЬ “ВИЗАНТИЙСКИХ” ПОВЕСТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

(К 180-летию Н. С. Лескова)

Весной 1887 года журнал “Исторический вестник” напечатал повесть Н. С. Лескова “Скоморох Памфалон” – одну из “византийских” повестей писателя.

Для современного читателя, с временной дистанции в сто с лишним лет, дата примечательна. Это как бы экватор. Ровно за тридцать лет до того – весной 1857 года – был создан “секретный” комитет, подготовивший реформу 19 февраля 1861 года. И ровно тридцать лет спустя – в марте 1917 года – Николай II отрёкся от престола.

Но Лескову будущих событий знать было не дано. А вот последствия реформ ощущались современниками всё сильнее. Крестьянская реформа по сути начала процесс устранения сословного государства и удаления с политической сцены дворянства. Российское общество спешило в капитализм. И в этом поспешном движении, меняясь на глазах, теряло в себе что-то важное, по недосмотру ли, или нарочно стараясь забыть многое из прошлого.

Н. С. Лескову довелось быть свидетелем этого движения. С 1860 г. он регулярно печатался, и значит, был участником общественной жизни. И заинтересованным, отстаивающим свою правоту участником.

Конечно, во многом прав Ю. Айхенвальд, когда пишет: “...Литература далеко не отражение. Она творит жизнь, а не отражает её. Литература упреждает действительность; слово раньше дела... Словесность всегда впереди, она – вечное будущее... она местное и временное как раз и отвергает, с ним не считается, его не воспроизводит. Она сверхвременна и сверхпространственна. Писатель живёт всегда и везде. Писатель своим современникам не современник, своим землякам не земляк. Поскольку он – творец, а не обыкновенный житель земли, он с окружающей средой расходится, и часто именно в этом и состоит его горе от ума, обида его одиночества” (6, стр. 20).

Однако Н. С. Лесков, проживая в 1880-х гг. в Санкт-Петербурге, всё же выбрал героями своей повести бывшего константинопольского придворного Эрмия, скомороха Памфалона, гетер, купцов, рабынь, земледельцев и горожан – жителей далёкой страны и далёких веков.

Чем был продиктован выбор?

Во-первых, Византия и византийцы сами по себе не могут считаться для русских людей чужим государством и народом чужой культуры. Мы принадлежим к единой Православной Цивилизации. При этом за Византией старшинство. Она – “духовная мать” Руси.

Крещение Руси при Владимире Святом не было единовременным актом. Прививка христианства на новой почве длилась несколько десятилетий, и установленные связи уже не порывались. Начавшаяся через посредничество балканских славян письменность не отрывалась от литературных богатств Второго Рима. Возникавшие потребности требовали новых переводов с греческого. И нам известно, что во время княжения Ярослава Мудрого, преемника Владимира Святого, уже была переведена огромная библиотека: исторические труды Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Иосифа Флавия, а вместе с ними и античная мифология. Переводились книги юридические – “Эклога Льва и Константина”, “Прохирон Василия Македонянина”. Из них наши предки заимствовали отдельные положения как гражданского, так и уголовного права. Переводились романы приключений, как “Девгениево деяние”, и юмористические произведения, как “Сказание о Соломоне и Китоврасе”. А вместе с ними географические, учебно-дидактические, энциклопедические труды. Греческие архитекторы построили на Руси первые каменные церкви, а развитые ремесла Византии смогли богато украсить их изнутри. Пример тому – в мозаичных картинах киевской Софии. Иконы греческих мастеров подвигли к изобразительному творчеству их русских учеников. В храмах зазвучали церковные песнопения, а это прошедшие этап исторического развития античные гимны.

Под воздействием новых идеалов жизни появились монастыри по византийскому образцу, с приходившими оттуда уставами монашеского общежития.

Семена цивилизационной идеологии Второго Рима вошли в народное сознание Руси, безусловно трансформировались и дали новый мощный росток – русскую культуру, живую и поныне.

IV век в жизни Восточной Римской империи был переломным. Это тоже, как в России конец XIX века, было время реформ, время коренной идеологической перестройки всего античного общества. Христианство в царствование Феодосия победило на государственном уровне, безусловно и окончательно.

В 313 году Константин Великий дозволил христианам свободно отправлять свои обряды. Он же (ещё оставаясь язычником) лично скрепил императорской печатью постановления Никейского собора 325 года о символе веры.

За ним шла вереница наследников, и почти все они были христианами. Лишь Юлиан Отступник в 361–363 гг. пытался вернуться к древней языческой вере, но его попытка была обречена на поражение.

Наконец в 380 году Феодосий пишет в своём указе:

“Мы хотим, чтобы все народы, находящиеся под нашим милостивым управлением, пребывали в той религии, которую передал римлянам святой апостол Пётр, как свидетельствует о том и доселе вдохновляемое им учение... Согласно апостольскому наставлению и евангельскому учению, будем верить в единое Божество, Отца, Сына и Святого Духа, в равном величестве и блаженной Троице. Тем, кто следует этому учению, повелеваем принять имя католических христиан и считаем других сумасбродными безумцами...” (5, стр. 105).

Это был один из первых указов нового императора. Последовали многие другие, в которых укреплялась связь победившего христианства с государством.

Христианин, император Запада Евгений в 392–394 гг. попытался вернуть равные права язычникам и вернуть им отобранные храмы и ценности, но поплатился за это короной и жизнью. Феодосий силой оружия сверг его с престола и вернул христианам господствующее положение в государстве.

В целом состояние Римской империи при Феодосии оставалось плачевным. Рушилась прежняя рабовладельческая экономика, и Феодосий (как и его предшественники на троне) усиленно насаждал в сельском хозяйстве коллат – крепостное право. Он изыскивал новые налоги, но этим только больше разорял своих подданных.

Особенно заметным становился упадок интеллектуальных сил общества, что было неизбежным следствием победы христианства. Прежняя античная наука воспринималась христианами как порождение язычества, а отсюда – лишь шаг до сатанинского прельщения.

Римская знать деградировала. Современник (и язычник!) историк Аммиан Марцеллин свидетельствует:

“Людей образованных и серьезных избегают как людей скучных и бесполезных” (3, стр. 37).

“Даже те немногие дома, которые в прежние времена славились серьёзным вниманием к наукам, теперь погружены в забавы позорной праздности, и в них раздаются песни и громкий звук струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора — мастера потешных дел. Библиотеки заперты навек, как гробницы, зато сооружаются водяные органы, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актёрского снаряжения” (3, стр. 38).

Лесков на страницах своей повести верно отразил исторический дух эпохи, сделав главным героем Памфалона — “мастера потешных дел”. А вместе с ним в центре внимания оказались и знакомые ему гетеры, и празднующие богачи.

Выше было сказано, что христианство безусловно победило как государственная религия. Но надо заметить, что такие победы не даются даром. Многие стали христианами лишь формально. Если ещё дед преследовал христиан и был за это награждаем, отец лишь из политической выгоды принял крещение (а может быть, и отрекся от него при Юлиане Отступнике), то искренность вероисповедания сына и внука была под вопросом. В те годы многие не верили ни во что, а магия и волхование процветали.

“Многие из них, отрицая существование высшего существа на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни приступить к обеду, ни выкупаться, пока основательно не рассмотрят календарь и не узнают в точности, в каком созвездии, например, находится Меркурий, или какую часть созвездия Рака занимает на своём пути Луна” (3, стр. 423).

Наверное, можно охарактеризовать такое положение общества, как кризис периода реформ или реформация во время кризиса.

Для Н. С. Лескова, тонко чувствовавшего русскую общественную жизнь конца XIX века, параллели в исторической перспективе с поздней Римской Империей были очевидны.

Тема нравственности, места религии в жизни человека более других занимала Лескова на протяжении всего его творчества. И когда он писал антинигилистические романы, и после, когда работал над “Соборянами”, рассказами о праведниках, или над “Мелочами архиерейской жизни”.

Тогда это был один из ключевых вопросов состояния общества. На глазах у Лескова происходил всё более заметный отход русской интеллигенции от Бога. Всё больше проявлялась шаткость в умах и моральных принципах, и это вызывало нешуточную тревогу у писателя.

Ярко и образно сказал об этом старший современник Лескова Ф. Тютчев.

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует.
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.*

.....
*Не скажет век с молитвой и слезой
Как ни скорбит перед закрытой дверью:
“Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!”* (4, стр. 94).

Замечательно, что в повести “Скоморох Памфалон” Лесков пишет об отшельнике, как о частном лице. Эрмий как будто даже не принадлежит к официальной церкви. А в IV–V вв. монахи — в Египте ли, в Малой ли Азии, или в Сирии — зачастую вмешивались в мирскую жизнь. Они были самыми активными участниками религиозных споров о чистоте вероучений и застрельщиками в борьбе с язычниками. Шли впереди толпы фанатиков, громившей храм Артемиды Эфесской, сжигавшей Александрийскую библиотеку. Но ничего подобного нет в повести.

Лесков отстраняет церковную иерархию от своих героев. Всю. И ту, про которую писал Марцеллин:

“... тот, кто получал сан епископа римского, мог быть уверен, что золота у него будет достаточно” (3, стр. 384).

И ту, которая через цензуру запрещала в 1889 году печатать “Мелочи архиерейской жизни”. Человек у Лескова остаётся наедине с Богом. Религиозное чувство Эрмия и Памфалона — это нравственное состояние души.

“Эрмий желал видеть благочестие настоящее, а не притворное, которое не принесит никому блага, а служит только для одного величания и обмана” (1, стр. 328).

Когда Эрмий оказывается один на скале, над ним опять же нет монастырского устава – только вера.

Верующий и Памфалон. Разница между Эрмием и Памфалоном в социальной манере поведения. Один бежит от общества, погрязшего в грехе, и в одиночку совершает подвиг тридцатилетнего стояния на скале. Другой (“великий грешник”) творит свои малые добрые дела в гуще людской. Сначала малые, а потом – жертвует всем достоянием и готов снова отдать себя на нравственные муки, лишь бы помочь попросившим его участия людям.

Эрмий – отшельник. Для него стремление удалиться от грешного мира – значит не дать глазам видеть чужой грех. Однако победивший свою плоть Эрмий оказывается во власти сомнений, поэтому победа оборачивается поражением, и ему приходится искать себе нового подвига – уже в смиренности, становясь пастухом в услужении простым селянам.

Автор, показав превосходство Памфалона, утверждает непреложность евангельских принципов: не будь горд, возлюби ближнего своего как самого себя.

Безусловно, что, работая над “византийскими” повестями, Лесков близко познакомился с житийной литературой. Иногда он, как бы оговариваясь, употребляет церковнославянские обороты (“бе бо ему богатство многосушное”). И именно это придаёт его рассказам особый колорит и дух минувшей эпохи.

Можно отметить и другие черты “родового сходства” с агиографией.

Богач, отказавшийся от богатства и решивший жить праведной жизнью, – такой персонаж довольно часто встречается на страницах житийной литературы. А туда он попал из жизненной реальности.

В превосходно написанной Ю. Кулаковским “Истории Византии” можно узнать, что первый монастырь в Константинополе в IV веке был основан таким же человеком. Это был офицер придворной школы по имени Далматий. Он почувствовал влечение к удалению от мира и расстался с женой, отослал её с дочерью на родину в Сирию. А сам вместе со своим сыном Фавстом вступил в монашескую общину.

Второй монастырь в окрестностях столицы был основан Руфином, занимавшим при Феодосии пост префекта претория Востока (то есть по чину он был даже выше лесковского Эрмия).

Вот несколько отрывков из анонимной книги “Изречения отцов пустыни”.

“Из отцов двое молили Бога, чтобы открыл им, в какую меру достигли они. И был им глас, глаголющий:

– В такой-то деревне египетской есть мирянин некий, зовут же его Евхарист, а жена его зовётся Мария. Ещё не пришли вы в меру их.

И встали старцы, и пошли в деревню...” (2, стр. 206).

“... говорит авва Лонгин:

– Желая бежать от человека.

Ответил старец:

– Если сперва не понесёшь подвига твоего среди человека, не можешь понести его и в уединении...” (2, стр. 209).

“Говорил авва Антоний, что иные тела свои сокрушают в подвигах, но через то, что нет у них различия духовного, становятся дальше от Бога” (2, стр. 199).

В этих примерах, конечно, нет прямого цитирования, но общий ход мысли, некоторая сюжетная привязка у Лескова в “Скоморохе Памфалоне” к древним авторам чувствуется.

Лесков не писал повести исторические в общепринятом смысле, его не интересовали политические перипетии, интриги императорского двора, что, как правило, составляет основу сюжета исторического романа. Писателя занимала душа человеческая, и ему было важно обнаружить её живую силу и красоту, даже вне примет времени, донести до читателя понимание ценности духовных поисков. Удалённость же во времени как бы подчёркивает, что дух христианства за пятнадцать столетий не переменялся, остался нетленен, ибо находились и находятся души, способные нести его. И в этом – надежда писателя на будущее.

Хотя Лесков и не писал историческую повесть, однако историческая сторона ему удалась. Живой интерес вызывают описания нравов придворной

жизни, житейские сцены, психологически достоверны портреты разных людей – добрых ли, злых ли. И мастерски воспроизведенные размышления Эрмия перед уходом в отшельничество. Слова о социальной несправедливости и духовной разобщённости людей оказываются одинаково актуальны и в четвёртом веке, и в девятнадцатом, а теперь – и в двадцать первом.

Общепризнанно, что классическое произведение проверяется временем, ибо должно отвечать на духовные запросы не только современников, но и потомков. Повести Лескова успешно перешагнули столетний порог и живы поныне. Вопросы религии, духовности личности в начале двадцать первого века так же занимают мыслящих людей русского общества, как и сто с лишним лет назад. В этом смысле поиски художника актуальны и сейчас.

Византийский богослов писал:

“Велика сила малого делания, если сочетается оно с постоянством. Мягкая капля по причине постоянства своего точит даже и твёрдый камень” (2, стр. 277).

Так постоянен был в своих поисках и писатель Николай Семёнович Лесков. Ибо в стародавних ли временах, в современности ли – всегда искал и находил лучшие воплощения человеческой души. И драгоценные находки свои оставил нам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лесков Н. С. Повести и рассказы. М.–Л. 1966.
2. Сборник “От берегов Босфора до берегов Евфрата” (перевод С. Аверинцева). М., 1994.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история. Перевод Ю. Кулаковского. СПб, 1994.
4. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988.
5. Кулаковский Ю. История Византии. В 3-х тт., том 1. СПб, 1996.
6. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.